
**ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ: ИНТЕРНЕТ
И ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

1. TRAJKOVSKA M.L. Privacy, freedom of expression and internet // *Mélanges en l'honneur de = Essays in honor of Dean Spielmann*. – Oisterwijk: Wolf legal publishers, 2015. – P. 335–342.

2. MYJER E., KEMPEES P. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in *Google vs Spain* // Ibid. – P. 411–427.

3. KRENC F., TULKENS F. La protection des données a caractère personnel et le droit a l'oubli // Ibid. – P. 289–306.

4. GUILLEMIN G. The right to be forgotten: Whose amnesia // Ibid. – P. 229–236.

Глобальный доступ к информации, в том числе к персональным данным, несет определенные риски нарушения права на уважение частной жизни и свободы слова. Этим обусловлено принятие новых законов, в частности в РФ.

С 1 января 2016 г. в России начал действовать Закон № 264-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон “Об информации,

информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», предусматривающий право на забвение¹.

В связи с этим представляют интерес мнения западных специалистов, рассматривающих в целом эту проблему, а также конкретные решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Суда ЕС, которые выносились на основе ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

Ниже представлены несколько статей из сборника, посвященного деятельности Дина Шпильмана – судьи ЕСПЧ с 2004 по 2015 г.,

1. Право на забвение – это право человека, позволяющее ему потребовать при определенных условиях удаления информации о нем из результатов поиска по имени лица. В первую очередь это касается ссылок на те данные, которые могут нанести ему вред. Имеются в виду устаревшие, неуместные, неполные, неточные или избыточные данные или информация, законные основания для хранения которой исчезли с течением времени.

В зарубежных, прежде всего в европейских странах, где действует подобный закон, существуют опасения, что право на забвение противоречит таким фундаментальным правам человека, как свобода слова и свобода доступа к информации, а также, что оно негативно влияет на качество интернет-ресурсов. – Прим. реф.

председателя ЕСПЧ с 2012 по 2015 г.

Мирьяна Лазарова Трайковска (1) – судья ЕСПЧ – отмечает, что благодаря Интернету возможности нарушения прав человека возросли в геометрической прогрессии.

Чем больше свобода слова, тем серьезнее должна быть ответственность за высказанное мнение. Так, в деле ЕСПЧ *Editorial Board of Pravoye Delo and Shtetel vs Ukraine*, касавшемся ограничения права на свободу слова решением, которое обязывало редакцию газеты дать опровержение ранее опубликованной информации, принести извинения, а также заплатить компенсацию лицу, чья репутация пострадала, ЕСПЧ, тем самым, признал, что риск ущерба правам человека, в частности от размещения информации в Интернете, конечно же выше, чем в прессе.

Хотя сами по себе ограничения свободы выражения мнения в Интернете допускаются, но они должны быть «предусмотрены законом».

В этом деле ЕСПЧ заявил об ответственности государств за создание соответствующих правовых рамок, обеспечивающих гарантии журналистам, использующим информацию, полученную в Интернете. Отсутствие этих рамок серьезно подрывает реализацию прессой такой функции, как «общественный контроль», и может расцениваться как неоправданное вмешательство в свободу прессы по ст. 10 Конвенции.

Учитывая важность сети Интернет в распространении и получении информации, в деле *Times News paper Ltd (nos. 1 and 2)* ЕСПЧ отметил основные критерии, принимаемые им во внимание при определении наличия или отсутствия баланса между правом на уважение частной жизни и правом на свободу выражения мнения.

Главный из этих критериев – значение информации для дискуссии, представляющей общественный интерес. Далее учитываются: степень публичности лица, поведение лица перед тем, как информация была опубликована, и то, каким образом она была передана публичности. Если речь идет о фото- и видеоматериалах, учитывается, в каких обстоятельствах они были сделаны, и согласилось ли лицо на их публикацию. Практика применения указанных критериев демонстрируется автором на примере известных дел *Von Hannover (no. 2) vs Germany*² и *Axel Springel vs Germany*³.

2. Дело касалось публикации в немецкой прессе фотографий, относящихся к частной жизни принцессы Каролины и ее мужа. Принцесса просила национальные суды наложить запрет на последующую публикацию этих фотографий, в чем ей было отказано.

3. Дело касалось публикации статьи, содержащей обвинения против бывшего канцлера Германии Герхарда Шрёдера в том, что он оставил политическую карьеру, получив выгодную должность в российско-немецком консорциуме. Немецкий суд запретил публикацию спорной части статьи.

Дело *Delfi AS vs Estonia* показательно в контексте российских дискуссий об уголовной ответственности владельца сайта за размещаемый третьими лицами контент. Оно касается ответственности, возложенной на интернет-портал за оскорбительные комментарии, размещенные на нем его пользователями. ЕСПЧ признал, что наложение ответственности на портал было правомерной и пропорциональной мерой ограничения свободы слова, в частности потому, что комментарии были оскорбительными; портал получил выгоду от их размещения, позволил, к тому же, авторам остаться неизвестными; штраф, наложенный национальными судами, не был чрезмерным.

М.Л. Трайковска отмечает, что в условиях, когда доступ к информации онлайн может стать важнее, чем получение ее из других источников, роль ЕСПЧ будет заключаться в поддержании стандартов, уже выработанных в области защиты свободы слова и других прав человека и адаптации имеющегося корпуса постановлений к новым формам общения и распространения идей и информации.

Э. Майер, бывший судья ЕСПЧ, и Питер Кемпис, глава отдела секретариата ЕСПЧ подчеркивают (2), что с появлением Интернета мир бесповоротно изменился. Доступ к данным стал всемирным, простой поиск на современном компьютере может привести к получению различной, зачастую неожиданной информации. Все теперь хранится в «облаке»: не только электронные

версии газетных статей, книги, но и блоги, комментарии, обмен сообщениями и фотографии, передаваемые с помощью социальных медиа. Иногда информация остается актуальной в течение многих лет, в отдельных случаях она была открыта для публичного распространения, но позже у автора возникло желание дистанцироваться от нее, бывало, что информация и вовсе не предназначалась для широкой публики. Все это остается в Интернете и будет доступно долгое время. Эта информация может использоваться службами безопасности, следственными органами, исследователями, журналистами, и любым человеком, который хочет что-то узнать о другом.

В целях предотвращения неконтролируемого хранения личной информации и Совет Европы, и Европейский союз приняли рекомендации и обязывающие правила, а также правила, регулирующие коррекцию и изъятие неправильной информации, хранящейся в личных данных.

Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера» 1981 г. определяет «данные личного характера» как «любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице (субъект данных)» и регулирует, помимо прочего, вопросы, связанные с качеством информации и ее безопасностью. Ссылка на нее есть и в преамбуле Европейской конвенции по кибер-

преступлениям («Будапештской конвенции»).

В 2012 г. Комитет министров Совета Европы, обеспокоенный практически неограниченными возможностями доступа к информации через Интернет, принял Рекомендацию об информационно-поисковых системах (Recommendation CM/Rec (2012) 3), где отмечено, что «информационно-поисковые системы могут стать угрозой правам человека и основным свободам». В Рекомендации содержатся положения о возможности коррекции и удаления информации, доступной через Интернет.

Директива Европейского парламента и Совета ЕС 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (далее – Директива) предусматривает право на уничтожение информации, обработка которой не соответствует Директиве, а также право лица возражать против обработки информации, связанной с ним.

В Евросоюзе разрабатывается Генеральное распоряжение о защите информации в Европе (General European Data Protection Regulation), которое должно заменить вышеуказанную Директиву. В предложенном Европейской комиссией тексте проекта (Com (2012 0011)) закреплялось положение о том, что право на забвение особенно следует учитывать в тех случаях, когда согласие на обработку информации было дано не-

совершеннолетним, позднее пожелавшим изъять эту информацию.

В 2014 г. в этот проект были внесены изменения Европейским парламентом. Согласно внесенным изменениям, «право на уничтожение информации не должно применяться, если сохранение личной информации необходимо для выполнения контракта с субъектом информации или когда существует правовое обязательство сохранять эту информацию».

Для конкретизации ряда указанных положений авторы ссылаются на практику ЕСПЧ и Суда ЕС.

ЕСПЧ, например, рассматривал вопрос о том, что необходимо сделать в том случае, когда лицо считает, что хранящаяся о нем информация неправильна или устарела.

В деле *Cemalettin Canlt vs Turkey*⁴ ЕСПЧ установил, что хранители информации пренебрегли своей обязанностью обеспечивать правильность и актуальность информации.

Вопрос баланса между интересами индивида, с одной стороны, и общества – с другой, ЕСПЧ рассмотрел в деле *M.M. vs the UK*⁵, где

4. Дело касалось оспаривания заявителем некорректной информации, содержащейся в полицейском докладе, представленном при рассмотрении уголовного дела против него и нарушавшем его право на презумпцию невиновности.

5. Дело касалось длительного хранения информации о правонарушении заявительницы, за которое она не бы-

определил необходимые гарантии и пришел к выводу о недостаточности имеющегося правового регулирования.

Переходя к делу *Google vs Spain*, рассмотренному Судом ЕС, авторы отмечают, что в данном случае имелись в виду не ограничения в сборе и хранении информации или возможности ее корректировки или уничтожения, а как раз «право на забвение». Следует предусматривать право субъекта информации и обязательство держателя информации уничтожать информацию, как только она перестает быть необходимой в целях, в которых она была сохранена.

Авторы поясняют, что их интересует не столько государство, собирающее информацию в предусмотренных законом целях, связанных с его обязанностями перед обществом, сколько существование информации в принципе. Такая информация хранится в «облаке», но может быть обнаружена любым человеком, более или менее знакомым с правилами поиска в Интернете.

В постановлении по делу *Google Inc. vs Agencia Espanolade Protectionde Datos, Mario Costeja Gonzalez* от 13 мая 2014 г. Суд ЕС признал ответственность интернет-оператора информационно-поисковой системы за обработку лич-

ной информации, появляющейся на веб-страницах, публикуемых третьими сторонами. Если вследствие сделанного поиска по имени лица список результатов покажет ссылку на веб-страницу, содержащую информацию об этом лице, оно может обратиться напрямую к оператору и, в случае, если оператор отказывается удовлетворить его требования, поднять вопрос перед соответствующими органами в целях исключения, при определенных условиях, этой ссылки из списка результатов.

Названное постановление вызвало настоящую бурю. На Гугл хлынули потоки запросов на исключение личной информации, полученной в результате поиска по имени человека. В итоге появилось мнение, что право на забвение включает в себя также и право на уничтожение изначальной информации (что можно сравнить с изъятием страницы из архива газеты). Авторы, однако, убеждены, что такое следствие не выводится прямо из рассматриваемого постановления Суда ЕС, в котором лишь констатируется, что право на забвение затрагивает только результаты поиска и не включает в себя изъятие ссылки из индексов поисковой системы. Это означает, что изначальная информация будет доступна при использовании других условий поиска или прямом доступе к источнику. Поэтому критические замечания о нарушении свободы слова здесь неуместны. Вероятно, имя человека, добившегося от Гугл исключения его из списка результатов поиска,

ла осуждена, но которое формально классифицировалось как похищение ребенка. Информация о прошлом заявительницы запрашивалась ее потенциальными работодателями и препятствовала получению работы.

больше там не появится, и таким образом, информация, полученная путем поиска в информационно-поисковой системе, становится неполной. Но это было известно и раньше. Новое заключается в том, что кажущаяся безграничность доступа к информации через Интернет может быть ограничена. И европейские органы защиты информации (*Data Protection Authorities, DPA*) уже выработали общие критерии рассмотрения жалоб. Отмечается, что критерии должны применяться в соответствии с принципами, указанными в решении Суда ЕС, и, в частности, в свете «интереса общественности в доступе к информации».

Таким образом, постановлением Суда ЕС по делу *Google vs Spain*, установлен новый стандарт и создан прецедент. Постановление Суда ЕС является важным сигналом возможности ограничения доступа к информации в принципе. Когда-нибудь, считают авторы, ст. 8 Европейской конвенции будет включать в себя право лица ограничивать доступ к информации о нем, если она утратила актуальность.

Адвокат Фредерик Кренц и бывшая судья и вице-президент ЕСПЧ Франсуаз Тюлкенс отмечают (3), что право на забвение постоянно меняется. Оно развивается беспрецедентно быстро в связи с прогрессом в области цифровых технологий, в частности с онлайн-доступностью архивов прессы. В праве на забвение заинтересованы органы власти, обязанные обеспечивать националь-

ную безопасность и борющиеся с преступностью.

Развитие права на забвение, как правило, упоминается в связке с правом на хранение данных. Это верно в той мере, в какой право на забвение служит цели противопоставить нечто возможности длительного хранения данных личного характера, в частности – возможности требовать их удаления.

Важно, что оно является результатом работы разных акторов – ЕСПЧ, Суда ЕС и национальных судов. В качестве примера взаимодействия приводится решение Большой палаты Суда ЕС от 8 апреля 2014 г. по делу *Digital Rights Ireland*, которым была признана недействительной Директива 2006/24/СЕ о хранении данных, собранных публичными телекоммуникационными компаниями. Директива позволяла операторам собирать данные о пользователях, входящих в Интернет, и делать эти данные доступными властям в целях борьбы с преступностью. При этом в ней не содержалось четких правил и рамок вмешательства. В своем решении Суд ЕС постановил, что вмешательство в фундаментальные права должно считаться очень значительным нарушением, а сам факт сохранения данных пользователей без информирования абонентов может создать у них ощущение, что их личная жизнь находится под постоянным наблюдением. ЕСПЧ в своей работе ссылался на это решение.

Истоки права на забвение авторы видят в необходимости регулирования властями хранения данных личного характера. Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу *Rotaru vs Romania* касалось нарушения права заявителя на уважение частной жизни в результате использования Службой разведки Румынии (SRI) досье на него, содержащего информацию личного характера. Он также заявил о нарушении его права на средство правовой защиты в государственном органе, который, рассматривая его жалобу, мог бы изменить или уничтожить указанное досье. Анализируя закон, на который власти Румынии ссылались как на основание для применения оспариваемых заявителем мер, ЕСПЧ постановил, что закон Румынии:

– предусматривает возможность сбора, записи и помещения в архив информации, затрагивающей национальную безопасность, но не конкретизирует каких-либо ограничений при осуществлении указанных полномочий, в том числе не определяет, какого рода информация может быть зафиксирована; не определяет категории людей, к которым применимы меры по наблюдению, а также сбор и хранение информации; обстоятельства, при которых могут применяться подобные меры, или процедуру их применения, а также не устанавливает временных пределов давности хранимой информации или срока, в течение которого она будет храниться;

– наделяет SRI правами принимать на хранение и использовать архивы, которые принадлежали прежним румынским спецслужбам, допускает проверку документов SRI только с согласия ее директора, однако не содержит подробных, хорошо разработанных положений о лицах, имеющих доступ к досье, характере досье, соответствующей процедуре дальнейшего использования информации, полученной таким образом;

– допускает вмешательство со стороны соответствующих органов власти, необходимое для предотвращения и противодействия угрозам национальной безопасности, но основания, позволяющие такое вмешательство, не указаны достаточно точно;

– не предусматривает какую-либо процедуру надзора во время применения соответствующих мер или в будущем.

Таким образом, ЕСПЧ посчитал, что внутреннее право Румынии в настоящем деле нарушало ст. 8 ЕКПЧ.

Гьюллемин Г. (4) – в прошлом юрист ЕСПЧ – считает, что в правовом регулировании ЕС «права на забвение» не существует. Право, признанное Судом ЕС за заявителем в решении по делу *Google Inc. vs Agencia Espanolade Protectionde Datos, Mario Costeja Gonzalez* имело более скромное значение и не предусматривало для интернет-пользователей возможности требовать уничтожения всей связанной с ними информации из результатов поиска. На практике это означает, что некоторая информа-

ция или статья останется доступной, но не будет появляться в качестве результата поиска по имени лица. При этом, как отмечают многие теоретики и практики, это постановление содержит в себе определенные проблемы. Суд так трактовал Директиву о защите информации, что из этого следует: поисковики теперь обязаны убирать из результатов поиска информацию, являющуюся «ненадлежащей, неуместной или более не актуальной», вне зависимости от того, является ли она (или нет) законной или порочащей.

Не подлежит сомнению важность защиты права на частную жизнь с помощью законодательства о защите данных в Интернете. Проблема, однако, в том, что концепции, выработанные для применения при обработке информации личного характера автоматизированными компьютерными системами, не годятся для сложных с правовой и фактической точек зрения судебных решений, задача которых – определить, является ли публикация частной информации обоснованной. Например, если положения о защите частной жизни относятся к личной информации (*private information*), то защита данных касается защиты «данных личного характера» (*personal data*), т.е. данных о человеке, которые могут быть как личного характера, так и публичного. Это принципиальная разница, порождающая

сложности нахождения баланса между интересами защищаемых.

«Право на забвение», скорее всего, станет для ЕСПЧ проблемой. Хотя большая часть имеющихся постановлений, касающихся установления баланса между правом на частную жизнь и свободой слова, применима в контексте онлайн-публикаций, ЕСПЧ придется принять новые критерии его оценки. В частности, в качестве критериев необходимо рассматривать источник информации, а также сохранение общественного интереса в доступе к информации с течением времени. И что самое важное – с тем чтобы гарантировать, что право на защиту данных не будет «по общему правилу» перевешивать общественный интерес в доступе к информации, необходимо, чтобы ЕСПЧ принимал во внимание, понес ли субъект информации значительный ущерб в результате того, что информация стала доступна с помощью поиска по имени.

И наконец, актуальность личной информации не может определяться исключительно исходя из оценки заявителя. Раз уж информация стала достоянием обществу, именно общественности следует предоставить возможность решить, актуальна ли эта информация. И если информация находится в сфере интересов общества, оно должно иметь право требовать доступа к ней.

Н.В. Кравчук